

К 100-летию со дня рождения А. А. Блока

ПРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Алексей Алексеевич Акилев — инженер-автомобилист по профессии, страстно увлекается литературой, изучает литературные архивы, коллекционирует экзлибрисы, посвященные Александру Блоку. Особое место в его большой библиотеке занимают блоковские произведения.

ДО НЕДАВНЕГО времени этот дом в Ленинграде по улице Декабристов, 57, что стоит торцом на набережной тихой речки Пряжки, был примечателен лишь тем, что на фасаде его висела мраморная мемориальная доска, поворящая, что в этом доме жил с 6 августа 1912 года и умер 7 августа 1921 года Александр Блок. С набережной можно было разглядеть и окна кабинета поэта («В последнем этаже, там, под высокой крышей»...).

Сейчас, в дни празднования столетия со дня рождения А. А. Блока, после капитальной реставрации дома, гостеприимно раскрываются двери его мемориального музея. Мне посчастливилось побывать в нем.

Как известно, А. А. Блок родился 28 ноября 1880 года в ректорском корпусе Петербургского университета в квартире своего деда, известного ученого-ботаника и ректора университета А. Н. Бекетова и прожил там девять лет. Дом на Пряжке — последняя квартира Блока. Здесь им написаны драма «Роза и крест», поэма «Соловьиный сад», стихотворный цикл «Кармен», поэма «Возмездие». В этом доме встречает он Октябрьскую революцию. Здесь он создает гениальную поэму «Двенадцать».

Самое примечательное в музее — это, конечно, кабинет поэта. Центральное место в нем занимает большой письменный стол, доставшийся поэту в наследство от бабушки, дочери известного

путешественника Карелина — Елизаветы Григорьевны Бекетовой, талантливой переводчицы.

По стенам эстампы, фотографии, картины — дары знаковых художников. Вдоль стен шкафы с книгами. Интересны судьбы некоторых из них.

23 января 1918 года была закончена поэма «Двенадцать». В дневнике Блок записал: «...Во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». Вся поэма была написана в два приема. И почти без черновиков, на белом. 3 марта поэма была напечатана в газете «Знамя труда». Все в поэме было взято из жизни. Даже название «Двенадцать». Вот что писал Джон Рид, находившийся в Петрограде во время Октябрьской революции: «Пижеты по двенадцать солдат с винтовками дежурили на перекрестках, а красноликие старики в богатых меховых шубах показывали им кулаки, изящно одетые дамы осыпали их бранью» («10 дней, которые потрясли мир»).

В первые годы революции строки из «Двенадцати» можно было читать на знаменах и транспарантах, их распространяло большевистское подполье в белопардаеком тылу, с ними шли в бой красноармейцы на фронтах гражданской войны...

Вспоминаю далекий 1916 год: тогда я, десятилетним мальчиком, впервые увидел А. А. Блока.

Был поздний час, когда я, опьяненный жарким июльским днем, таким необычным для нашего проветриваемого морскими бризами Васильевского острова, ворвался домой и вдруг остановился, услышав, что у бабушки гости. Моя бабушка — Екатерина

Васильевна Радионова — была знакома со всей семьей Бекетовых-Блоков по совместным занятиям на Высших женских бестужевских курсах и сотрудничеству в одних и тех же прогрессивных журналах (в качестве переводчицы с французского и итальянского). Напротив бабушки сидела маленькая седая дама в черном платье, а немного поодаль, на диване — молодой офицер, очень красивый, с кудрявой головой.

— Александра Андреевна, Саша, позвольте представить вам моего старшего внука. Я думаю, что он нам не помешает, а ему будет памятна встреча с поэтом Блоком.

И еще одно воспоминание прошло перед моим взором, — похороны Блока. Александр Блок скончался воскресным утром, а в среду его хоронили. Был светлый августовский день 10 августа. Вся Пряжка и прилегающие к ней улицы были переполнены петроградцами.

Длинный путь от Пряжки до Смоленского кладбища на Васильевском острове тело великого русского поэта было пронесено на руках молодого поколения новой России. Я тоже провожал Блока в его последний путь.

Марина Цветаева сказала о поэте: «В лице Блока вся наша человечность оплакивала его... «Где, как первую любовь, России сердце не забудет», — это после Пушкина вся Россия могла сказать только Блоку...» И она это сказала.